

Когда наступала осень и природа окрашивалась в золото, принято было есть крабов. В прошлом году в это самое время Минлань ждала, когда крабы будут помещены в маринад, но теперь она снова была беременна, поэтому ей, естественно, снова запретили их есть.

— Крабы холодные, главная госпожа, не ешьте их, — с серьёзным лицом произнесла старшая служанка Цхуй.

— В этом мире всё вкусное либо холодное либо горячее, либо сухое, либо влажное, — проворчала Минлань. — И всё это создано, чтобы я могла успокоиться, наслаждаясь едой. Видно, Боги издеваются надо мной! Этот ребёнок появился, чтобы моя жизнь стала невыносимой...

— Вы такая жадина, — терпеливо уговаривала старшая служанка Цхуй. — Ребёнок всё слышит, когда он появится, он непременно обвинит вас в том, что вы его не любите! Это всего лишь еда!

В отличие от Гу Тинье, старшая служанка Цхуй была уверена в том, что Минлань снова беременна мальчиком. Сказав это, она ушла за обедом.

«Как легко говорить об этом!» — думая об ароматной крабовой пасте, Минлань чувствовала, как кошки шкребутся в животе. Когда она была беременна Туанем, за её питанием следили также пристально. Она не осмеливалась есть что-либо по своему желанию, и, хотя ей было страшно день и ночь, никакого особого дискомфорта не было.

Увидев, что она изнывает от невозможности есть то, что хочется, Гу Тинье приказал всему дому не есть крабов. Потом он сказал, что нюхать не значит есть, и, если она хочет, ей могут приготовить крабов.

Минлань, расхохотавшись, упала на кровать, Туань, увидев это, заинтересовался. Разжав свою пухлую маленькую ручку, он потянулся к ней. Всё, чем он занимался в последнее время, это практиковался в лазании

— Почему бы нам не съесть немного крабового мяса, раз тебе так хочется? — произнёс Гу Тинье.

Старшая служанка Цхуй, только что вернувшаяся с едой, естественно, услышала это и он, кашлянув, тут же исправился, увидев её:

— Конечно, если тебе нельзя, всё-таки не стоит...

Гу Тинье взял сына на руки и тот, обняв его за шею, тут же принялся целовать его и, естественно, обслюнявил.

— Глупый мальчик, нельзя так делать! — вытерев лицо, отругал его Гу Тинье.

Он дважды поцеловал лицо своего сына для демонстрации, однако, к сожалению, этот маленький толстый пельмень не смог уловить суть и от всей души обслюнявил своего отца ещё раз. Затем он похлопал отца по щекам и широко улыбнулся.

Минлань хохотала, лёжа на кровати.

Гу Тинье был зол, и забавлялся одновременно. Несколько раз он похлопал сына по заднице.

— А ты, ты же мать, почему ты можешь только смеяться? Скажи ему пару слов! Как мой сын может быть таким глупым?!

— Он ещё маленький.

— Ты что не можешь сказать что-нибудь приятное? — несчастным тоном спросил Гу Тинье. Ребенок самозабвенно грыз его палец, и на том оставались следы маленьких зубов.

— У твоего сына такие же хорошие зубы, как у тебя, — сразу же сказала Минлань, ведь он мог прожевать такого толстокожего мужчину.

Постепенно становилось прохладнее, и, хотя крабов всё еще нельзя было есть, дни Минлань становились все комфортнее. Осень — отличное время для путешествий. В первой декаде октября Гу Тинье и Минлань простились с одним из пятой ветви семьи Гу.

Пятый пожилой господин был в приподнятом настроении, он написал поэму, выпил полбутылки вина, и даже посетил академию. Пятая пожилая госпожа была вялой, ее глаза были красными и опухшими.

После прощания госпожа Сюань рассказала Минлань, что кормилица её дочери услышала от своего третьего сына, который узнал это от сестры своей жены, работавшей в пятой ветви, что пятая пожилая госпожа вначале не хотела уезжать из столицы, однако пятый пожилой господин был непреклонен. Та сообщила, что не хочет больше жить, что привело его в ярость.

— Даже если придется положить тебя в гроб, ты отправишься в путь! — сказал он.

После смерти Гу Тинъяна Тинди и его жена были сильно недовольны пятой пожилой госпожой. Минлань подозревала, что новость была втайне передана ими.

Сцена прощания была полна радости, особенно краснолицый была четвёртая старушка, которая была очень добра к Минлань, заботилась о ней и даже пригласила её в дом на чай, Минлань хотела было отказаться, но всё же вынуждена была пойти за ней.

Четвертая пожилая госпожа попросила наложницу Лю налить чаю и принести воды, и ждала, обмахиваясь веером. Госпожа Сюань горько улыбнулась, но не сказала ни слова.

Наложница Лю уже давно утратила свой смиренный вид, и только она пожаловалась, произнеся несколько слов, как четвёртая пожилая госпожа сказала:

— Если ты не хочешь прислуживать здесь, почему бы тебе не отправиться на северо-запад к Тинбину? Этому дитя, должно быть, очень одиноко.

Наложница Лю подумала, что какой бы тяжёлой не была служба у главной госпожи, это все равно будет лучше, чем лютый холод на северо-западе. Она не хотела идти туда и страдать, поэтому не осмелилась больше возражать. Четвертая пожилая госпожа воспользовалась случаем и долго умоляла Минлань попросить, чтобы Гу Тинье больше заботился о её сыне.

Минлань дёрнула уголками рта, ей очень хотелось предложить ей трёхдневную экскурсию к могиле Ю Яньхун. Не стоило быть небрежным и надевать рога на Гу Тинье.

Год приближался к концу, чиновников назначали на новые должности и снимали со старых, оценивая их эффективность. Дядя Ван был назначен в Цзяннань, и вся семья Ван решила покинуть столицу. Шен Хун и Чанбай отправились проводить их, Хуалань хотела взять с собой Жулань, однако та использовала все свои немногочисленные навыки убеждения, чтобы избежать этого.

— Помнишь, что сказала мама? Бабушка Ван скорее отправит её в суд, чтобы спасти тётю, хотя было очевидно, что это тётя — преступница! Она навредила нашей бабушке и подставила маму, а её продолжали оправдывать! Отец и брат идут, этого достаточно для соблюдения этикета, что нам там делать?! Бабушка Ван не отличает добро от зла, и ей плевать на репутацию семьи Шен! Если ты пойдёшь к ней, ты покажешь, что наша мать была неправа! Это действительно заставит людей думать, что у нас нет никакого характера!

Подумав о том, что её семья, в которой раньше всё было хорошо, теперь вынуждена разделиться, Хуалань тоже разозлилась. Хотя пожилая госпожа Шен являлась старейшиной семьи, Ван Ши была её родной матерью, и теперь была вынуждена отбывать наказание. В итоге две сестры не пошли прощаться с семьёй Ван.

Однако самым странным в этот день было то, что пошла Молань.

Пожилая госпожа Шен внезапно заболела, а Ван Ши вернулась в свой родной город, чтобы помолиться за удачу и долголетие своей свекрови. Они всё ещё могли обмануть посторонних, но Молань хорошо знала характер Ван Ши. Она сразу поняла, что происходящее выглядит неестественно, это означало, что в семье Шен что-то произошло.

Она не могла выяснить причину, хотя задала несколько вопросов Чанфену, но он, похоже, и сам не знал подробностей. Лю Ши была ещё более скользкой, чем она, а некоторых сестёр можно было даже не пытаться спрашивать.

Молань волновалась, нервно чесала голову, и даже попыталась подкупить слуг семьи Шен деньгами, чтобы узнать хоть что-то о ситуации. Ей потребовался месяц, чтобы выяснить хоть что-то. В конце концов, она узнала, что в день, когда пожилая госпожа Шен внезапно заболела, охрана Минлань окружила поместье Шен. Они также арестовали и пытали некоторых людей (Чанфен слышал крики, но не знал, кто кричал), и в конце концов было объявлено, старшая служанка Цянь, которая была рядом с Ван Ши, покусилась на имущество хозяев и напугала старую госпожу до смерти. Шен Хун и Минлань были в ярости, поэтому поместье было закрыто для расследования.

Кроме того, тётушка Кан также недавно серьёзно заболела и отбыла в Чжуаншан для выздоровления, она так и не смогла узнать, что на самом деле она была отправлена в другое место.

Подводя итоги, Молань знала, что семья Шен пошла на хитрость, чтобы скрыть что-то, но ей пришлось остановиться на достигнутом, поскольку она так ничего и не смогла больше узнать.

В день, когда Ван Ши отослали, Молань отправилась в поместье и решила спросить напрямую.

—...Папа, я слышала от других, что в день, когда бабушка заболела, шестая сестра внезапно вызвала свою охрану и окружила поместье. Что произошло?

Шен Хун вздохнул и автоматически выдал стандартный ответ:

— В доме жил призрак, вступивший в сговор с уличными ворами, чтобы украсть имущество нашей семьи, что испугало старушку. Из опасения, что воры уничтожат улики и сбегут, мы просто оцепили поместье.

Молань чуть не вырвало кровью — это был тот же ответ, что предоставили ей слуги. Она закусила губу и сказала:

— Также я слышала, что подчинённые шестой сестры кого-то пытали у нас дома, это...

— Ну, людям могут не нравиться эти методы, но мы не могли упустить воров, чтобы успокоить пожилую госпожу.

Молань сделала ещё несколько попыток, но все они были безуспешными.

— Папа, поймать вора в семье довольно просто, нет необходимости задействовать охрану из поместья хоу, у нас достаточно слуг. Действия шестой сестры действительно... И ещё тётя Кан...

Шен Хун тут же насторожился и пронзительно взглянул на неё.

— Что именно ты хочешь спросить? Старушка испугалась вора в собственном доме, Минлань разозлилась. Возможно, это было немного неуместно, и что с того? Что именно ты пытаешься узнать?

Взгляд отца заставил Молань сжаться, а затем она набралась смелости и сказала со слезами на глазах:

— Папа, в этом деле точно есть что-то, что скрывают, и посторонние не могут этого знать, но как же я? Я же твоя дочь, почему я ничего не знаю? Об этом знают все мои сёстры, но не я. Никто в нашей семье не хочет сказать мне. Разве я не дочь семьи Шен? Разве я не твоя плоть и кровь? Ты прячешь от меня это вот так... — она расплакалась, и слёзы покатались по её щекам. — Твоя дочь сделала тебя несчастным, когда выходила замуж, но ведь я всё ещё связана с нашей семьёй кровью, и я тоже волновалась, когда узнала, что бабушка заболела. Что-то случилось дома, я беспокоилась весь день... Я не могла ни есть, ни пить... Братья и сёстры всё знают, почему я не могу знать?.. Я не могу этого вынести...

Увидев, как горько она плачет, Шен Хун не мог не смягчить своё сердце, и решил рассказать ей правду. Однако едва он открыл рот, как вдруг вспомнил слова своего старшего сына:

— Чем больше об этом знает человек, тем больше риск.

Раскрытие правды может принести им множество проблем в будущем. Многие люди знают общую ситуацию, но не знают всей её тяжести. Хуалань будет внимательна, поскольку беспокоится о репутации своей родной матери, как и Жулань, шестая дочь совершила множество неадекватных поступков во время разрешения ситуации, они обе не скажут о случившемся и полслова. Но если рассказать другим...

Хотя Чанбай никого не упоминал прямо, Шен Хун в глубине души понимал, что кроме людей, непосредственно вовлечённых в эту ситуацию, и беспокоящихся о репутации семьи Шен, есть люди, которым нельзя доверять эту внутреннюю историю. Особенно это касалось детей наложницы Линь. Репутация семьи Шен уже едва не пострадала из-за них однажды, и он точно будет сожалеть об этом позже.

— Нет никаких скрытых историй, ты слишком много придумываешь, — равнодушно ответил Шен Хун. — Ты продолжаешь говорить, что твоих сестёр любят больше, чем тебя, но я никогда не думал об этом. Из всех своих сестёр ты единственная, кто всё ещё ведёт себя, как ребёнок.

Молань плакала, и пыталась лихорадочно придумать, в какое место можно его болезненно ткнуть, но всё, что она смогла произнести со слезами на глазах, было:

— Папа... как ты...

— Будучи отцом трёх сыновей и четырёх дочерей, где все, кроме самого младшего, уже имеют свои семьи, я отлично понимаю это. Все они сейчас счастливо живут семейной жизнью, и воспитывают детей. Ты единственная, у кого в семье беспокойно каждый день. Ты вышла замуж несколько лет назад, но у тебя до сих пор нет детей. Как бы ты ни злилась, как бы не говорила о том, что четвёртый молодой господин любит тебя, разве ты можешь это отрицать?!

— Папа!.. — в слезах закричала Молань.

— Твоя старшая сестра добродетельна и честна, твой старший зять очень уважителен, хоть и любвеобилен, семья пятой дочери гармонична и красива, не говоря уже о почтительном Гу Хоу и шестой дочери. Почему же ты не сравниваешь своего мужа и мужей своих сестёр, своих детей с детьми своих сестёр? Каким правилам этикета ты следуешь, подозревая нас во лжи, путая хорошее и плохое, и создавая беспокойство на пустом месте?!

Шен Хун был чиновником много лет. Он отлично знал, как можно использовать слова, чтобы они стали острее меча, и резали лучше, чем поварские ножи мясо. Он отлично знал, как выбить противника из равновесия.

— В твоей собственной семье такой беспорядок, и у тебя ещё есть время, чтобы копаться в делах семьи Шен?! Если у тебя так много времени, позаботься о своей семье вместо того чтобы беспокоиться о других!

Молань не думала, что, спросив всего несколько слов, навлечёт на себя такой сильный выговор от своего отца. Она была настолько ошеломлена, что даже устыдилась, а затем разозлилась — её грудь так сильно наполнилась гневом, что, казалось, вот-вот взорвётся. Она закрыла лицо руками и, рыдая, выбежала за дверь. Через несколько шагов она, однако, остановилась, и, подумав о том, что никто не должен видеть её позор, особенно слуги, вытерла слёзы, вздохнула и, склонив голову, пошла прочь. Теперь это удавалось ей ещё легче, чем раньше — теперь она была вынуждена постоянно сдерживаться.

После этого инцидента в путь через три дня отправлялся Чанбай, и Молань не пришла проводить его.

— Сестра сказала, что в поместье Лян есть дела, и она не может уйти, — улыбнувшись, извиняющимся тоном произнёс Чанфен.

Пожилая госпожа Шен не проявила и капли беспокойства, Шен Хун похлопал себя по ноге и вздохнул, даже не осмелившись взглянуть на неё. Чанбай также оставался спокойным.

— О, ничего страшного, если у четвёртой сестры проблемы дома, мы не можем её винить, — произнесла Хуалань, повернув голову. — Пятая сестра удивила меня сегодня. Я думала, ты не сможешь прийти. Я слышала, что работа твоего мужа далеко. Я думала, ты отправишься с ним.

Жулань давно ждала этого вопроса.

— Я должна была уехать несколько дней назад, — сказала она. — Но муж сказал, что нужно проявить почтение к старшим, и, как младшей, мне стоит вначале навестить бабушку. Мы поедем следом через несколько дней, после того, как я выражу почтение моей бабушке, это будет ей лучшим подарком на выздоровление.

— Мой зять прав, — с улыбкой вздохнул Шен Хун.

Пожилая госпожа Шен громко расхохоталась и ущипнула Жулань за нос.

— Мой пятый зять такой хороший, только посмотрите, как воспитал эту непослушную девицу! Если бы он ничего не сказал, ты бы уехала, не задумываясь?

Жулань охала и корчилась, ведя себя как избалованный ребёнок.

— Бабушка, правда, настаивает на извращении чужой доброты!..

Все в комнате рассмеялись.

Прежде чем все ушли, пожилая госпожа Шен увидела, что Минлань осталась стоять, невинно улыбаясь, и ей стало не по себе.

— Больше читай и будь скромной, созерцай мир и не будь бессердечной! И даже не думай слушать клевету, — проворчала она.

— Я знаю, знаю, — весело ответила Минлань.

— Что ты знаешь! — рассердилась пожилая госпожа Шен. — Я слышала недавно, что тебе нельзя есть крабов, поэтому твой зять не разрешает есть их всем остальным в доме? Где это видано! Что насчёт твоей овдовевшей невестки и племянницы? Они теперь не могут есть то, что нельзя тебе? Как ты смеешь пренебрегать чужим питанием! Как только об этом узнают снаружи, вас двоих обвинят в том, что вы притесняете овдовевшую женщину и её ребёнка!

Минлань заткнула уши и отругала старшую служанку Цхуй за то, что она снова не удержала рот на замке.

— Как моя внучка может быть такой неразумной?! — продолжала пожилая госпожа Шен, схватив её за руку. — Такая большая, и такая глупая, будто рыба в моём пруду!

— Грех есть грех! Мы не должны есть плоть существ, которые для нас как дети.

Первоначально Минлань хотела сказать: «Лей Гун И Дянь Му отвечают за разделения людей, боги выполняют свои обязанности, а Будду не волнуют наши дела», но вовремя спохватилась.

Пожилая госпожа Шен отпустила её руку и вздохнула с облегчением.

— Люди ужасны, нужно всегда быть осторожной, всегда и везде, не позволяй людям использовать такое против тебя и не вздумай брать на себя вину! — закивала она.

Прощание продолжилось, они отправились к воротам поместья. Чанбай контролировал то, как группы служанок и детей, и багаж, грузятся в повозки. Повозок было с десяток. Перед тем как пожилая госпожа села в свою, она долго стояла и улыбалась. Минлань смотрела на улыбающуюся бабушку и радовалась. Она знала, что её бабушка сейчас счастлива и что теперь она не чувствовала себя обиженной — она была заточена в поместье большую часть своей жизни, а теперь её ждали бескрайнее небо и море.

Видя, как его старая мать и старший сын уезжают, Шен Хун почувствовал себя одиноким — внезапно поместье Шен опустело. Увидев, как его отец вздыхает, Чанфен предложил братьям и сёстрам вместе поужинать. Хуалань немедленно поддержала его, захлопав в ладоши и засмеявшись:

— Хорошая идея! Иногда и мы, девочки, можем выпить с папой несколько чаш вина!

— Это хорошая мысль, — улыбнулась Минлань. — Хотя я не могу пить вино, я хотела бы побыть с вами. Пятый зять должен уехать через несколько дней, и Жулань будет занята сбором вещей. Почему бы нам не воспользоваться этим шансом сегодня?

— Выпить можно, но не напиваться, если я вернусь домой пьяной, мой муж больше никогда не напишет мне стихи! — торопливо ответила Жулань.

— Всё в порядке, — улыбнулся Шен Хун, погладив бороду.

Увидев это, Лю Ши улыбнулась и отправилась отдавать приказы. Сначала она распорядилась поставить в боковом зале стол феникса с высокой головой, и четыре маленьких квадратных столика по бокам от него, затем принесли несколько коробок с едой, посуду...

Когда управляющий увидел все эти приготовления, он улыбнулся и сказал:

— Третья невестка словно готовит званый обед и накрывает стол с ландышами.

Лю Ши улыбнулась. Она не была Чанфеном, и заботилась только о том, чтобы жизнь её была свободной и лёгкой. Она думала о том, что хотя отец и муж и его сёстры связаны кровью, лучше подготовиться как следует, если люди собираются пить вино.

Когда Шен Хун зашёл в зал, он увидел, что внутри просторно, столы накрыты изящно, а его дети опрятные и красиво сидят на положенных местах, чуть ниже него, каждый за отдельным столом. Сев, он мог смотреть на них сверху вниз, и видеть изящную маленькую посуду, расставленную на столах, словно ландыши. Всё выглядело внушительным, и живым одновременно. Он был очень счастлив увидеть это, и похвалил:

— Чанфен, твоя жена — добродетельная женщина, тебе нельзя быть непослушным и глупым.

Служанка, доставлявшая еду, передала это Лю Ши слово в слово, и та улыбнулась, а затем попросила свою личную служанку отсыпать ей немного медных монет. Прошло уже полдня, а она так ничего и не съела.

Устало сев рядом с кроватью, Лю Ши спросила:

— Разве есть какой-нибудь способ, чтобы мой муж стал таким же способным, как его старший брат? Я также хотела бы подражать спокойствию моей невестки, но лишь попусту беспокоюсь...

— Хорош или нет ваш муж, не важно, одного ребёнка всегда любят больше, чем другого, — вздохнула её кормилица. — Я не думала, что эта семья такая сложная...

Лю Ши взяла миску с рисом и принялась передвигать рисовые зёрна палочками.

— В этот раз в семье произошло большое событие, однако насколько способным и могущественным на самом деле оказался старший брат... Забрал с собой пожилую госпожу, отослал свою мать в родной город... Только посмотрев на это, можно понять, что в будущем всё серебро, лавки и фермы пожилой госпожи будут принадлежать старшему брату!

— Пожилая госпожа не будет так пристрастна, — зачерпнув суп ложкой, нерешительно заметила кормилица.

— Если бы я была на её месте, я бы была пристрастна, — с кривой улыбкой заметила Лю Ши. — Старший брат на некоторое время отдал ей на воспитание своего старшего сына, а теперь искренен и почтителен. Так почему бы ей не отдать всё своё имущество ему? А его жена... У неё есть всё: лицо, ум, приданое, великолепная семья... Сколько бы не дали мне мои родители, разве я могу с ней сравниться?

— Госпожа, сначала выпейте супа, он из лучшей голубки, — кормилица протянула ложку ей.

Лю Ши забрала ложку и чашку и сделала несколько глотков супа, и, отложив их в сторону, заметила:

— Я просто надеюсь, что свёкор увидит, что старший брат живёт в достатке, и выделит нам немного имущества, заметив наши трудности. Но... есть ещё один брат.

Кормилица не знала, что сказать, долгое время она молчала.

— Я поняла, что все в этой семье великодушны, и вряд ли они будут суровы к своему младшему брату.

Лю Ши усмехнулась, проглатывая рис.

— Кстати говоря, ни в одной из дочерей этой семьи нет подлости... кроме, пожалуй, сестры моего мужа! — она вздохнула. — Я не жадная. Я не хочу ничего чужого, меня совершенно не волнует чужое богатство, но... Я не хочу, чтобы мои дети в будущем были вынуждены самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, пока их родственники будут ходить в школы в знатные семьи...

— Да, это правильно, — рассмеялась кормилица. — Наш господин сказал, что вначале большинство этих прекрасных знатных семей были грязными и запутанными внутри. Здесь нам не на что жаловаться: правила просты, дети и внуки вежливы... Но... — она осеклась, а затем продолжила тихим голосом. — У третьего господина... На него нельзя положиться, нужно постоянно быть начеку.

— Я это знаю, — легкомысленно ответила Лю Ши, сохраняя спокойствие. — Мой путь полон беспокойств, ну и пусть, пока ещё есть куски мяса, нужно сделать всё, чтобы хоть один из них оказался в нашем брюхе.

Увидев, что она, похоже, уже придумала какой-то план, кормилица почувствовала облегчение, и уже собиралась было продолжить подкладывать ей еду, как внутрь вошла служанка, спешившая из внешнего двора.

— Госпожа... Я только что была снаружи... Кто-то из семьи шестой госпожи сказал... что шестой господин послал... сказать... свёкор четвёртой госпожи... он... он ушёл...

Лю Ши была ошеломлена, поразмыслив некоторое время, она спросила:

— Но поместье бо Юнчана ведь отойдёт старшему сыну семьи Лян?..

Служанка неопределённо покачала головой.

— На этот раз у четвёртой старшей сестры действительно «что-то случилось» дома... — пробормотала Лю Ши.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1876474>